

Е.В. Бессчетнова

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ: «ОДИНОКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ» О ПУТИ РОССИИ

Аннотация: *Деятнадцатый век – век формирования главных смыслов русской ментальности и размышлений о возможной судьбе России в движении мировой истории. В этот период можно выделить одного особого философа, размышлявшего об историческом призвании и судьбе России. Он начинал с идей славянофилов и преодолел их, он проделал долгий путь и в итоге пришёл к осознанию приближающегося конца всемирной истории и эсхатологического кризиса. Действительно это был «одинокий мыслитель», непризнанный современниками за исключением нескольких близких друзей, одинокий поэт мечтатель, который посвятил свою жизнь реализации одной единственной мечте о великом будущем своей страны.*

Abstract: *Nineteenth century was the period of forming of main aspects of Russian mentality and reflection about possible Russian destiny. One special person lived in this period, he reflected on historical mission and destiny of Russia. He began from Slavophiles' ideas and overcame them; he carried through a long way and finally came to realization of the oncoming end of the world history and eschatological crisis. Truly he was a special person for his time, "lonely thinker", Unacknowledged by contemporaries, lonely dreamer and poet, who dedicated his life to the only dream about great future of his country.*

Ключевые слова: *философия истории, эсхатологический кризис, утопия, Православие, прогресс, империя*

Keywords: *philosophy of history, eschatological crisis, utopia, Orthodoxy, progress, empire*

Константин Леонтьев – медик, дипломат, публицист, философ и под конец монах был человеком необычайно свободного ума и при этом строго православным, исповедующим «византийское, филаретовское, оптинское православие» [1, с 57]. В конце своей жизни он поселился в Оптиной пустыни, это были самые мирные

для него годы, но в тоже время самые плодотворные. Примечательно, что духовником философа был перешедший в православие сын немецкого пастыря о. Климент Зедергольм, под этим же именем в 1891 году уже после смерти наставника Леонтьев был пострижен в монахи старцем Амвросием и отправлен им на жительство в Троице-Сергиеву Лавру, где и скончался.

По справедливому замечанию современного исследователя, Леонтьев наряду с Достоевским, Соловьёвым был одним из величайших людей девятнадцатого века «всерьез принявших христианство и переживших это приятие на глубинном личностном уровне». [2, с.111]. Действительно, это был особенный человек для своего времени, «одинокий мыслитель», непризнанный современниками за исключением нескольких близких друзей, одинокий поэт мечтатель, который посвятил свою жизнь реализации одной единственной мечте, мечте о призвании России восстановить единство христианского человечества. Говоря о России, философ писал: «Хотя Православие для меня самого есть Вечная Истина, но все-таки в земном смысле оно и в России может иссякнуть. – Истинная Церковь будет и там, где останется три человека. – Церковь Вечна, но Россия не вечна и, лишившись Православия, она погибнет» [7, с.233].

Леонтьев дал своему проекту будущей культуры название «Гептастилизм». Буквально «Гептастилизм» переводится как семи-столбие. Проект самобытной, развивающейся из своих особенных национальных источников будущей славяно-восточной цивилизации стал центральной идеей. Она должна формироваться в стороне от западной части европейской цивилизации, находящейся в условиях своего разложения и заката. К.Н. Леонтьев писал в своём письме к Т.И. Филиппову: «Я хочу, до смерти хочу – написать хоть для рукописного распространения в высших кругах наших: мои реальные пророчества будущей культуры» [10, с.37]. Новая культура будет иметь семь оснований, Леонтьев их назвал отвлечёнными идеями. Эти «отвлечённые идеи» и являются «столпами» проекта философа: религиозные идеи, политические идеи, юридические идеи, философские идеи, быговые идеи, художественные идеи, экономические идеи.

В письме к Фуделю от 6-23 июля 1888 года была дана не полная краткая характеристика 5 столпов: 1) Государство должно быть пёстро, сложно, крепко-сословно и с осторожностью подвижно.- Вообще сурово, иногда и до свирепости. 2) Церковь должна быть независимее нынешней. – Иерархия должна быть смелее, властнее,

сосредоточеннее. – Церковь должна смягчать Государственность; а не наоборот. 3) Быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада, единстве. – Или совсем, например, не танцовать, а молиться Богу; - а если танцовать – то посвоему, выдумать или развить народное до изящной утонченности... и.т.п. 4) Законы, принципы власти должны быть строги; люди – должны стараться быть лично добрее; - одно уравновесит другое. 5) Наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе»[7, с.91-92]. В основе мировоззрения Леонтьева лежит эстетика жизни.

Национальный идеал Леонтьева во многом совпадает с идеей Ф.И. Тютчева, так как его создание напрямую связано с разрешением Восточного вопроса, и первым шагом к созданию новой оригинальной цивилизации станет взятие Царьграда, где будут заложены основы нового культурно-государственного здания. По мнению Леонтьева, к 60-м годам XIX века старая жизнь оказалась больше неприемлемой, возникла необходимость в новой жизни, требующей нового центра, новой культурной столицы, которой должен стать Царьград. Леонтьев полагал, что когда Константинополь будет взят, на место старой невской цивилизации придёт новый босфорский Русизм

Многие ошибочно рассматривают Леонтьева как продолжателя идей Данилевского. Леонтьев писал об этом: «Я должен здесь сказать, что главным основанием моих мыслей (*мыслей о политике*) служила мне книга г. Данилевского «Россия и Европа». Г. Данилевский, по справедливому замечанию г. Страхова, первый обратил внимание на эту смену культурных типов или стилей» [9, с.84]. Но все же Леонтьев исходил только из общих положений Данилевского, в частности он пошёл гораздо дальше, его проект противоречит идеям последнего о движении и судьбе русской истории и культуры. Для Леонтьева русская культура не является полностью самобытной, напротив философ полагал, что она основывается на ценностях Византии, от которой и переняла основные принципы развития: «Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество» [8, с.323]. Леонтьев возможно не без влияния Соловьёва был сторонником преемственности культур, в частности славяно-русской культуры к греко-византийской. В отличие от Данилевского, Леонтьев не был правоверным славянофилом, их учеником в полном смысле этого слова. Он усвоил лишь отдельные

части славянофильской мысли и дал им свои собственные комментарии, по утверждению С. Трубецкого Леонтьев – «разочарованный славянофил, пессимист славянофильства». [12, с.123], в свою очередь Л.А. Тихомиров в своей работе «Монархическая государственность» отмечал: «Леонтьев доказывал неопределенность и малоподвижность славянского гения и настаивал на том, что Россия всем своим развитием обязана не славянству, а византизму, который усвоила и несколько дополнила» [11, с.345].

В одном из своих писем философ писал: « Настоящий культурно-славянский идеал, говорит он, - должен быть скорее эстетического, чем нравственного характера. Ибо если рассматривать дело с реалистической точки зрения, не увлекаясь какой-нибудь добродушной верой в осуществление того, чего мы сердцем желаем, то придётся согласиться, что эстетические требования осуществимее в жизни, чем моральные. Надо и для своего народа ждать чего-то такого, чему примеры бывали, а не такого, чего никто не видывал. <...> Нет, нельзя, как нельзя вообразить себе будущее только моральным, - если же мы скажем эстетическим, то этим мы сказали все...»[14, с.158]

Материал для трёх основных столпов (религиозного, государственного и экономического) уже присутствует в русской культуре. Леонтьев считал необходимым сохранение и усиление главных ее принципов: Православной церкви, самодержавия и общины. Леонтьев в 1870 г. начинает заниматься рассмотрением экономического вопроса, интересуется современным социализмом, говорит о социализме «охранительном», «новом феодализме». Создание экономической модели развития он считает делом первостепенной важности. Философ полагал, что для искоренения зла необходимо «дать <...> обществу такой строй, при котором изменилось бы направление вещественных и нравственных интересов» [8, с.96]

Позже в его работах постоянным станут темы «стеснения», ограничения, «спасительного насилия». Таким образом, прогрессивно-охранительное направление целиком сложится у Леонтьева к 1880-1881 гг., и своеобразным манифестом его станет предназначенная для правительственных кругов «Записка о необходимости новой большой газеты в С-Петербурге» (1881). Леонтьев полагал, что во избежание новых бунтов и ужасов анархии необходимо наконец-то заняться разрешением рабочего вопроса и сформировать новую здоровую форму социализма. В своих письмах к Филиппову Леонтьев писал о том, что социализму в итоге придётся сочетаться с

«сохранёнными консервативными историческими началами». Философ отмечал, что «социализм скоро остановит свои инзуррекционные приемы и делается орудием новой корпоративной, сословной и градативной, не либеральной и не эгалитарной структуры государства. Он вынужден будет сочетаться с сохранёнными консервативными историческими началами, так или иначе видоизменяя их и видоизменяясь сам, и либерализм, индивидуализм, меркантилизм и все тому сродное будет раздавлено между историческими остатками и передовым экономическим порывом. <...> А для того, чтобы говорить все прямо, для этого надо взять Царьград». [10, с. 233-234] . Вполне возможно, что основные принципы «охранительного социализма» Леонтьев перенял из организации жизни афонских монахов. Философ намеревался предложить сравнение своей с системы с обустройством монастырского быта одной из глав работы: «Средний европеец» [13, с.77].

Вскоре философ всерьез задумался о написании книги о призвании России. Сам старец Амвросий благословил Леонтьева на написание работы об историческом пророчестве России, а главной задачей в этом философ видел организацию Восточно-Церковного единства. По масштабности его проект уступает только проекту Вл. Соловьёва, который в свою очередь под идеалом подразумевал единение всех ветвей христианства и вслед за Данте всего европейского человечества. Леонтьев же говорил об утверждении «свято-отеческого», византийского христианства и отпоре «полулиберальному» христианству. Он формулировал это следующим образом: «Гуманитарное лже-христианство с одним бессмысленным всепрощением своим, со своим космополитизмом – без ясного догмата; с проповедью любви, без проповеди «страха Божия и Веры»; - без обрядов, живописующих нам самую суть правильного учения <...> Выступление против тех, кто «считает себя вправе брать из Христианства то, что ему вздумается, и отвергать то, что ему кажется отсталым и бесполезным, кто вслед за протестантами движется «к безбожию, через посредство бесцерковности». Неправильно было бы утверждать, что философ абсолютно негативно относился к Западной церкви, Идея Соловьёва о централизации Церкви была ему симпатична. Леонтьев писал: «В этом великом русском мыслителе надо различать две стороны: положительную: проповедь примирения Церквей и отрицательную: против возможности Русской особой культуры». [7, с.87] Леонтьев верил в Русско-Славянскую культуру, но как он сам отмечал не слишком, безусловно, эта вера была

не религиозная, не догматическая, а скорее историческая, патриотическая. Что же касается, озвученного Соловьёвым, призвания России — стать орудием и почвой примирения Церквей и соединения с Римом, то Леонтьев отмечал: «Я впервые спросил себя так: Веруя в Св. Апостольскую Церковь, заботясь, по мере сил, о спасении души своей, имеет ли Православный Христианин право противиться предполагаемому Соловьёвым пути соединения Св. Божиих Церквей — только из-за желания видеть свою отчизну и своё племя весьма оригинальным и в этой оригинальности великим? И ответил сам себе: нет, не имеет!» [7, с.88]. Создание своеобразной русской культуры никоим образом не мешает объединению Церквей. Леонтьев был убежден в том, что Россия сможет стать действительной политической силой, о которой говорил Соловьёв в рамках своего проекта, только лишь при условии, если она постепенно устранил из русской жизни всё то, что сблизает её духовно с либеральной, антирелигиозной и саморазрушающейся Европой конца девятнадцатого столетия. Философ писал: «Было время, когда европеизм был нужен нам как дрожжи; теперь эти живительные дрожжи переродились в гнилостные бактерии» [7, с.89].

Леонтьева сравнивали с Ницше в его нелюбви к современной буржуазной Европе. Но ведь и Византия, любимая Леонтьевым, это инобытие той Европы, ренессансной Европы, которую обожал философ. Уместно сослаться на точное наблюдение А. Козырева: «У Ницше и Леонтьева можно без труда найти сходные высказывания о пошлости европейской цивилизации, лицемерии, ханжестве традиционной морали. Но пафос разрушения морали, презрения к аскетизму и духовной традиции, ко всяким сдерживающим дух оковам совершенно чужд Леонтьеву. <...> «Ренессанс» судил Леонтьева. Так, может, отраву ницшеевского имморализма прежде текла в жилах критиков?» [4, с.428-429] Эстетизм Леонтьева был не аморальный и не демонический, а вполне возрожденческий, при этом отнюдь не походивший на декадентские призывы начала XX века к злу и насилию. Леонтьев является истинным гуманистом сродни родоначальникам эпохи Возрождения, он отрицает и не принимает новую цивилизацию во имя гуманистического идеала красоты [2, с.87].

По мнению Леонтьева, к 60 годам девятнадцатого века старая жизнь оказалась больше неприемлемой, возникла необходимость в новой жизни, а новая жизнь требует нового центра, новой культурной столицы, которой должен стать Царьград. Леонтьев пола-

гал, что когда Константинополь будет взят, на место старой невиской цивилизации придёт новый босфорский Русизм. Леонтьев предпочитал Риму Византию, и центром объединения он видел Константинополь, то есть не Вечный Рим, а Новый Рим, по крайней мере, по его собственному утверждению до тех пор, пока Восточное духовенство не прикажет смириться и приклонить колено перед преемником апостола Петра.

В контексте историософии Леонтьева Рим, Македония и Европа – это в отличие от идеи Данилевского не просто примеры конкретных культурно-исторических типов, а примеры особых исторических миссий. Леонтьев утверждал, что никто не может решить, что мы будем новым Римом, Россия и Рим могут быть сопоставлены, только исходя из близости их исторической миссии. Философ писал: «Политические идеи преходящи, как всё на свете. После славянофильского плодоношения все равно все будет склоняться к гибели. Погибнет и Россия когда-нибудь. Ничего окончательного в смысле всеобщего и вечного удовлетворения на земле никогда не будет. Может быть, говорит он, Россия в новой форме повторяет историю старого Рима. Но разница в том, что под его подданством родился Христос, – под нашим скоро родится – Антихрист?» [6, с.507]. Главным вопросом, который беспокоил Леонтьева, был: «Спасётся ли Россия государственно и культурно? Или мы призваны окончить историю, погубив человечество?» [6, с.506]. Леонтьев для России видел лишь единственную возможность спасения в строжайшей консервативной политике, он не верил в либерально-демократический прогресс и всеобщее равенство, которые, по его мнению, неминуемо приведут к гибели. Ему консерватизм казался гораздо шире либерализма, который, по мнению философа, есть не что иное, как сознательное или бессознательное разрушение культуры. Позицию Леонтьева касательно современной ему России очень точно описал знаменитый монархист Лев Тихомиров: «Он (Леонтьев) выражал большие сомнения в молодости России, сильно полагал, что она уже дошла до предельного развития <...> с такими предчувствиями, конечно, не может быть охоты к разработке «конституции» хиреющей страны и монархии, и если бы он дожил до наших дней (1905 г.), то, конечно, признал в России все признаки разложения, а не развития»[11, с. 348].

Для Леонтьева характерно трагическое восприятие исторического бытия. В тех случаях, в которых он рассуждал о возможных катастрофах, он многое угадал, но он прекрасно понимал и писал в

Е.В. Бессчетнова. Константин Леонтьев: «одинокий мыслитель» о пути России своих произведениях, о том, что будущее опасно предсказывать и подстраивать его под свой проект невозможно.

Леонтьев искал способ изменения хода мировой истории и в итоге пришёл к осознанию того, что всемирная история близится к своему завершению и что самое важное для каждого человека – достойно принять эсхатологический конец истории.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Константин Леонтьев: Париж: YMCA-Press, 1926.
2. *Булаков С.Н.* Победитель – Победенный (Судьба К.Н. Леонтьева) // Булаков С.Н. Тихие думы М.: Республика, 1996.
3. *Кантор В.К.* Константин Леонтьев: христианство без надежды, или Трагическое чувство бытия // «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов М.: РОССПЭН, 2011.
4. *Козырев Алексей.* Константин Леонтьев в «зеркалах» наследников // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Кн.1. СПб.
5. *Леонтьев К.Н.* Моя исповедь // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2003 Т.6. Кн.1.
6. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). М., 1996.
7. *Леонтьев К.Н.* Переписка. Статьи. Воспоминания // Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т.7. СПб.: Владимир Даль 2012.
8. *Леонтьев К.Н.* Византизм и Славянство // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем. В. 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т.7 Кн.1.
9. *Леонтьев К.Н.* Письма о Восточных делах // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем. В. 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2007. Т.8. Кн.1.
10. *Пророки Византизма* // Переписка К. Леонтьева и Т. Филиппова ред. О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011.
11. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М.: РОССПЭН, 2010.
12. *Трубецкой С.Н.* Разочарованный славянофил // К.Н. Леонтьев: pro et contra, Т.1. СПб.: РХГИ, 1995.
13. *Фетисенко О.Л.* «Гептастилист». Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский дом, 2012.
14. *Фудель И. К.* Леонтьев и Вл. Соловьёв в их взаимных отношениях // Константин Леонтьев. Pro et contra. РХГУ, СПб.: 1995.

Сведения об авторе: Бессчетнова Елена Валерьевна, факультет философии НИИ ВШЭ, аспирант.